18+

Дарья Рассветная

ДОСТОЙНАЯ ЛЮБВИ

Дарья Рассветная

Достойная любви. Сборник повестей

«Издательские решения»

Рассветная Д.

Достойная любви. Сборник повестей / Д. Рассветная — «Издательские решения»,

Добропорядочная провинциальная девушка Катя увлечена эзотерикой. И она очень мечтает встретить своего Суженого. Начиная со студенческих лет, Катя стремится распознать во встреченных молодых людях своего единственного. Но разочарование за разочарованием следуют чередой. При этом девушка попадает в вихрь событий, где мистика переплетается с реальностью, где каждый поворот судьбы переливает новыми красками. И, да, наконец, Судьба благоволит ее чаяниям, и Катя встречает свою половинку. Это сборник.

© Рассветная Д.
© Издательские решения

Содержание

НЕ СУДЬБА 6
ТУРЕЦКАЯ НЕВЕСТА 8
Знакомство 8
Вечерний страж 9
Роковой портрет 10
Турецкая невеста 12
Мечты прошлого 14
ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ СЧАСТЬЯ 16
Мгновение первое. А баня будет? 16
Мгновение второе. Ночной дозор 18
Мгновение третье. Охота за силой 21
Мгновение четвертое. Остановись, мгновение! 25
Мгновение пятое. На заре ты ее не буди 27
УХАЖЕРЫ 30
Лаборант 31
Американец 32
Заочник 34
Влюбленные 36
«Любовь» монаха 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Достойная любви
Сборник повестей

Дарья Рассветная

© Дарья Рассветная, 2026

ISBN 978-5-0070-5575-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ СУДЬБА

Вместо предисловия

У вас когда-нибудь вырастали за спиной крылья? Огромные, мощные, на которых можно летать?

Если да, то, значит, вы когда-то по-настоящему любили. Вы не думали ни о прошлом, у вас его еще и не было, вы не думали и о будущем, вы были счастливы в настоящем. И молодость уносила вас вверх. Вы и не смели помыслить о том, что полет ваш может закончиться в самый неподходящий момент, тогда, когда вы уже набрали высоту и мир сияет под вами. Но нежданный порыв штормового ветра гасит ваш парение. И сломаны крылья и разлетелся пух…

Я не знала, что с ним, где он. Я ждала.

Пять месяцев после того, как он уехал в командировку. Пять месяцев он приходил ко мне во сне. Каждую ночь я слышала стук в дверь своей комнаты. И на пороге возникал он. Проходил, садился на кровать (стульев в комнате не водилось) и говорил: «Все в порядке. Я пришел». Мы сидели и разговаривали. Он гладил мои волосы.

А утром я просыпалась с надеждой, что сегодня обязательно его увижу. Но дни шли за днями, складываясь в месяцы. И я уже не хотела, чтобы наступало утро, я торопила приход вечера и… во сне опять мы встречались.

Его звали Сергей. Познакомились мы с ним на улице, в середине осени. Он приехал на такси, собираясь что-то купить в ларьке. Я же только что отходила от него. Глаза наши встретились. Так встретились две души…

Странная у нас вышла история.

Он пригласил меня на следующий день на свидание. Но встретились мы только через месяц.

Придя в назначенное время к гостинице, в которой он жил, я прождала пятнадцать минут, он не появлялся. Сколько еще его ждать? Наверное, смотрит в окно и потешается над моим хождением взад-вперед перед дверями гостиницы.

Тогда я перешла на 2-й курс университета. Он был старше меня на семь лет. Большой, широкоплечий, спокойный, сероглазый и с топорщившимися на самой макушке русыми волосами Сергей представлялся мне воплощением всех моих мечтаний.

Медленно пошла прочь. Мечты не сбылись. Проходя мимо телефонного аппарата, мне показалось, что парень, стоявший спиной ко мне, Сергей. Но я не окликнула его. Боялась обознаться. Или просто не хотела, чтобы он увидел, что я пришла, столько времени прождала, а вот теперь иду ни с чем домой.

Он нашел меня сам. Через месяц. Возник около меня и спрашивает: «Ты почему не пришла в тот раз?»

— Я приходила. Это ты не пришел, — возмутилась я. — А во сколько ты приходил? — отважилась я узнать.

— В семь.

— А я ждала в шесть. Ты же сам говорил.

— А я запомнил, что в семь.

Через несколько дней он принес мне новый музыкальный центр. Сказал: «Тебе». Поставил на мой зашарпанный общежитский стол и начал проверять, как работает новая аппаратура. Покрутив все настройки, оказалось, что не работает «Запись». С техникой Российского производства такое случалось.

— Унесу брату, он посмотрит. — И добавил с хитрой улыбкой, — Не спутай меня с ним, если увидишь когда-нибудь на улице. Мы с ним близнецы.

Перед новым годом Сергей спросил меня: «Что подарить твоим родителям? Мы едем к тебе».

— Правда?

Он многозначительно подмигнул. Я была счастлива. Очень. У меня выросли крылья. И я летала. Но не долго. Сергею понадобилось уехать в срочную командировку на три дня.

— Ты меня будешь ждать? — спросил.

— Буду.

Командировка оказалась бессрочной. Через пять месяцев я узнала, его убили на бандитской разборке. Когда я однажды спросила у него, чем он занимается, он только сказал, что у него есть свой бизнес, а какой он не уточнял.

ТУРЕЦКАЯ НЕВЕСТА

Знакомство

Для легкого времяпрепровождения у девушки Кати появилась приятельница. Она познакомилась с ней однажды на дискотеке.

Та стояла одиноко у колонны в зале, и Катя осмелилась позвать ее составить ей компанию. С тех пор девушки время от времени виделись на дискотеках. Катя, как правило, заходила за Таней, — так звали подругу, которая жила с мамой в квартире в пятиэтажке в соседнем микрорайоне. Мама не всегда легко отпускала дочь, но Таня старалась отпроситься, она тоже искала свою любовь.

«…Напротив общежития стоял дворец культуры. В один из осенних выходных мы с Таней в очередной раз пошли на дискотеку. Настроение было особенно приподнятым: в тот день пришло необычно много людей. Вскоре зазвучала медленная мелодия. Мы с Таней отошли в сторонку.

Вдруг ко мне подошел мужчина средних лет и, говоря с заметным акцентом, пригласил на танец. Культурно так. Мы потанцевали. Следом за этим предложил посидеть в кафе-баре, что располагался в соседнем от танцпола помещении. Там за столиком сидел его друг. Я позвала Таню с собой, но мои новые знакомые пришлись явно ей не по душе, и она быстро ретировалась.

На столе в баре — спиртное, сигареты. Я не курила. Немного выпила вина. Мой знакомый назвался Нуриттенем. Ну и имечко, зато не затертое. Сразу понятно, что из глубинки Турции приехал. Мы весело пообщались. Мое знание языка облегчило задачу. Он говорил по-английски лучше, чем по-русски.

У нас завязалось общение. Мой знакомый работал инженером по крыше на стройке, осуществляемой турецкой фирмой. Строили гостиницу. Стройка находилась недалеко от моего общежития…»

Через некоторое время Нурритен позвал Катю к себе в гости на съемную квартиру, где проживал один. Квартира располагалась в центре города, в трех остановках от университетского общежития.

С тех пор девушка часто приходила туда, и через некоторое время и вовсе переехала к Нурритену.

Вечерний страж

Несмотря на то, что квартира располагалась на седьмом этаже, она была мрачноватая и угрюмая. И находиться в ней одной было неуютно даже днем. А Кате часто приходилось ждать прихода друга до двенадцати и порой до часа ночи.

По мере приближения сумерек квартира начинала наполняться странными паутинообразными нитями, расходившимися во все стороны. Эти нити постепенно расширялись и уплотнялись. Они разбухали до такой степени, что заполняли собой все пространство квартиры. И Катя уже не ходила, а буквально продиралась сквозь них.

И как только начинало смеркаться, она включала свет везде: в прихожей, на кухне, в одной из комнат и даже в ванне и туалете. Свет защищал ее. Он не давал «неорганическим» существам материализовываться.

Оставались еще две, неосвещенные комнаты, и когда девушка проходила мимо них, то испытывала непреодолимое чувство, что стоит ей немного замешкать около них, как ее тут же поглотит тьма.

«…Мне еще повезло, за тот период времени, какой мы жили в квартире, ни разу не отключали свет.

Позже перегорела лампочка в прихожей. А прихожая была связующим центром квартиры. В нее выходили все три комнаты, кухня, санузел. И, чтобы хоть как-нибудь размыть нахлынувшую в нее темноту, включала свет в тех двух комнатах.

После одиннадцати часов вечера я прекращала всякое хождение по квартире. Забиралась в кресло или на диван в большой комнате, включала музыку, чтобы не давила тишина, и учила уроки или, говоря точнее, пыталась что-либо учить.

Иногда мой страх перед обитателями тьмы доходил до такой степени, что, кроме всего прочего, включала телевизор, надеясь, что это поможет остановить неудержимо нараставшую панику.

В какой-то момент у дверного косяка появлялась фигура «главного стража» квартиры. Он стоял, прислонившись к стене, загораживая проход больше, чем наполовину. Мной овладевал такой невыразимый ужас, что я начинала судорожно умолять его: «Только не показывайся мне! Я не хочу тебя видеть! Я не могу видеть тебя!» И уже чуть не плача: «Не показывайся, пожалуйста».

Страж стоял, не двигаясь, и только пристально за мной наблюдал. Его замораживающий взгляд пригвождал меня к месту, и я теряла всякую способность концентрироваться на какой-либо мысли.

Так мы и смотрели друг на друга. Я, боясь лицезреть его, была готова в любую минуту отдать концы. А он, питаясь моим страхом, потихоньку вытягивал из меня жизненные силы.

Это продолжалось до тех пор, пока в прихожей не раздавался звонок. Тогда я с отчаянной смелостью бросалась открывать дверь.

С приходом моего друга власть менялась. Он не признавал существование никаких духов, никаких альтернативных миров…»

Это делало Катиных мучителей бессильными. И они прекращали охотиться на нее и отступали…

Роковой портрет

«…Мой турецкий друг любил рисовать. Повсюду в квартире стояли картины, написанные маслом на холсте. Ряд из них не был закончен. А те, что были завершены, можно было бы отнести к неплохим работам. Некоторые мне очень понравились. То, что у моего друга был художественный вкус, стало очевидным, когда я принимала душ в ванной. Она имела общую стену с туалетной комнатой. Под потолком комнаты соединялись застекленным окном.

Занавески не наблюдалось в ванной. Моюсь я как-то. Вдруг, наклонившись за мылом, краем глаза захватила что-то в том окне. Я вздрогнула, испугавшись. Посмотрев на окно еще раз, увидела Нуриттена, во все глаза созерцавшего меня. Потом он мне объяснил, что у меня очень красивое тело, и он не мог не смотреть.

И пошло после этого. Мне приходилось позировать перед ним. То во время подготовки к семинарам мне нужно было замереть, то он не давал сойти с кровати, и приходилось лежать, не шевелясь, пока он не заканчивал набросок.

Это был самый романтичный период наших отношений. Дело шло к замужеству. Нуриттен все чаще поговаривал о поездке к родителям. Я боялась, хотя втайне лелеяла эту поездку.

Нуриттен не был красив и телом не очень вышел. Эти недостатки покрывала его любовь к музыке. Он слушал разных исполнителей, как то Стинга, Криса де Бурга, Робби Уильямса, Джо Кокера, но предпочтение отдавал песням Элтона Джона. Душа Нуриттена плакала под его пение.

Красивая лирическая музыка вошла в мою жизнь, о существовании которой ранее и не догадывалась. Нуриттен, сам того не зная, открыл для меня мир звуков и картин.

Однажды случайно, делая уборку в одной из комнат, наткнулась на портрет. На большом холсте формата «А1» я увидела себя…

О Боже, портрет показывал мне себя, да такую красивую. Немного в турецком стиле, с пунцовыми губами, пышными волосами, распущенными по плечам, в какой-то неизвестной мне кофте. Проникнув благодарностью к своему другу, решила ничего не говорить о своей находке. Подумала, когда наступит время, он сам покажет портрет, а пока не стоило лезть с расспросами.

С этим портретом вышла история.

У нас все шло хорошо, если бы не жуткий случай. У хорошего всегда есть оборотная, темная сторона. Эта сторона проявилась в его турецкой крови, а моя — в моем природном упрямстве.

Оговорюсь, не судите строго! Мало ли что у вас в жизни происходило или еще произойдет.

К Нуриттену как-то заявились гости: супружеская пара — турок и русская. Они засели на кухне. Нуриттен сказал мне сидеть в своей комнате и учить уроки и закрыл в комнату дверь.

Мне стало так обидно! Я села на кровать, не зная, как поступить в этой ситуации. Из кухни раздавался смех, громкий говор. Им явно было очень весело. И без меня!

Я пошла на кухню, желая стать частью веселья. Стол был накрыт яствами восточной кухни — гости привезли с собой. Нуриттен снова меня выпроводил, ссылаясь на то, что мне надо писать диплом, а они долго просидят. Он наложил мне в отдельную вазу фрукты и конфеты, я прихватила со стола нож для очистки плодов. Меня словно не замечали, будто я — пустое место.

Я была взбешена. Какие уроки?!? И почему они должны там веселиться, а я тут одна сидеть!?! Мог хотя бы внятно объяснить, чем ему так дороги гости и почему хочет, чтобы он сидел там с ними один…

Обведя глазами комнату, мой взгляд упал на портрет. Вместе с ним еще несколько картин стояли там. Подоконник был просторным, окно высоким, и на нем хватало места для размещения около десятка холстов в багетах.

Я взяла нож и… порезала картину!

Раз… другой… третий…

Достаточно.

Мой гнев улетучился. Ох! Что я наделала?

Он же меня убьет!

Это картина — его творение, которое он создавал втайне, вероятно, имело высокое значение для него!

Что было дальше, лучше не описывать, все равно не поверите. Нуриттен почувствовал неладное. Унюхал.

Пришел. Увидел.

Набросился на меня.

Я забралась на подоконник.

— Если только тронешь меня, порежу все картины! — сказала я, выставив ноже перед собой.

Он кричал, как раненый зверь.

Гости прибежали на крик.

Он показал им на мою «работу». Художник стенал. Захотелось убежать прочь из квартиры и вернуться в общежитие. Его драгоценные гости позволили мне сойти с окна, выйти в коридор, и там они меня схватили.

Один бежал за веревкой. Другой держал. Третий связывал меня.

Мне связали руки и ноги и положили на пол прямо у входа, головой рядом с грязным ковриком.

Пока меня связывали, я кричала в истерике. Мне заткнули рот кляпом. Все произошло очень быстро.

Где они только веревки нашли? С собой привезли, что ли? Практикуют, наверное, такое обращение с людьми. Меня оставили лежать на полу в прихожей, а сами снова ушли на кухню. И закрыли там дверь.

Что я чувствовала, описывать, пожалуй, не нужно. Слезы, обиду на Нуриттена, сожаление о содеянном, злобу на гостей.

Через какое-то время Нуриттен подошел ко мне, достал кляп.

— Будешь еще так делать? — спрашивает.

— Нет, не буду… — проговорила я.

Но меня не развязали. Дали еще полежать. Примерно через час гости ушли. Тогда меня развязал мой будущий жених.

Я молча собрала вещи и ушла в общежитие. Это было лучше всего. Примерно через два дня нарисовался Нуриттен. Мы поговорили, все выяснили и даже посмеялись…»

Катя и Нуриттен простили друг другу все. Правда, Нуриттен больше не рисовал свою возлюбленную. От всего его творчества у Кати сохранилась только парочка набросков.

Турецкая невеста

«…Все обиды были позади.

Я ехала в Турцию.

Мой друг Нуриттен, как будущий муж, хотел показать меня своей семье.

Признаюсь, было страшновато: а вдруг не понравлюсь?

Надо сказать, что перед поездкой мы с Нуриттеном посетили моих родителей. Мама должна знать, с кем отпускать свою дочь. Нуриттен привез полный пакет продуктов, пакет фруктов. Он был вежлив и корректен. Мама и папа видели, что их дочь очень увлечена своим ухажером. Глаза сияют, у того вроде тоже…»

Несколько слов о родителях Кати. Это простые люди интеллигентных профессий. Мама всю жизнь проработала бухгалтером и экономистом. Добывала хлеб своим бесконечным трудом. Папа из каменщиков сделал себя специалистом-тренером по шахматам. «Сделал себя» означает, что сам научился играть в шахматы, получил высокий разряд, сам написал программу обучения подопечных, сам приложил усилия для открытия шахматного клуба в своем поселке.

Родители Кати, безусловно, были бы рады сложившейся жизни своей дочери, поэтому благословили Катю на поездку. И если опасения у них при этом и имелись, то Катя о них ничего не знала. Боялись, наверное, спугнуть «птицу счастья».

«…Его семья жила далеко в глубине страны, в обыкновенном провинциальном городе Газиантепе. И чтобы попасть туда из Стамбула, нужно было ехать всю ночь на автобусе (железной дороги, как известно, в Турции нет).

Путешествие, занявшее более двенадцати часов, меня утомило так, что, когда мы достигли Газиантепа, хотелось одного — спать. Но впереди меня ждала встреча с семьей старшего брата Нуриттена — Мехмеда, и мое желание я положила в сундучок.

В доме брата — он встретил нас на автовокзале — Нуриттен представил меня Айше, жене Мехмеда, их одиннадцатилетней дочери Ниде и четырехлетнему сыну Мурату, которые мне сразу очень понравились. Когда прошли в гостиную, показалось, что я попала в музейную залу, в которой были выставлены позолоченные чаши и блюда на низких резных столиках, роскошный диван, величавые кресла и стулья с высокими спинками…

После завтрака, довольно приторного (я еще только начинала пробовать турецкую кухню, и многие блюда вызывали у меня, по меньшей мере, недоумение), Айша провела нас в комнату, в которой она по моей просьбе уже приготовила постель.

Турецкая постель явилась для меня полной неожиданностью. Она представляла собой широкую, высокую, мягкую и вместе с тем упругую перину, которая располагалась прямо на полу в центре комнаты. Никакой кровати, которая бы ее поддерживала. И я испытала огромное наслаждение, когда, наконец, после утомительной дороги и стрессового знакомства с родными моего дорогого турка, растянулась на ней.

Зайдя в ванную комнату, совмещенную с туалетом, мои чувства пришли в состояние тихого восторга. Она представляла собой просторную комнату, сверкающую чистотой. Оглядевшись, решила принять турецкий душ. Он отличался от привычного европейского тем, что его можно было принимать не только стоя, а также сидя и лежа на теплом кафельном полу.

Чуть позже сделала еще одно открытие. Оказалось, что в этой комнате можно, удобно расположившись в углу на унитазе, свободно разглядывать себя в висящее на противоположной стене большое зеркало и заодно думать о преходящих материальных ценностях этого мира.

Отдохнув с дороги и плотно пообедав, мы все вместе отправились к отцу Нуриттена, жившему со своей новой женой (мать Нуриттена умерла много лет назад) и дочерью Эссин, сестрой Нуриттена. Я дрожала как осиновый лист, когда мы подходили к дому Ахмеда, так звали отца. Лихорадочно пыталась вспомнить какое-нибудь приветствие на турецком языке. Пришлось бормотать русское «Здравствуйте». Мое волнение улеглось, когда вместо грозного главы семейства, каким описывал Нуриттен отца, увидела доброжелательное лицо старого человека.

Потом мы все сидели в гостиной, пили чай, ели фрукты и разговаривали. Вернее, разговаривали они, а я лишь изредка кратко отвечала на задаваемые мне вопросы (переводимые на русский Нуриттеном) и в общей беседе участия практически не принимала.

По окончании визита Нуриттен сообщил мне, что отец разрешает ему жениться на мне, и что я произвела на всех благоприятное впечатление.

На ночь мы вернулись в дом семьи брата.

Утром проснулась от того, что какой-то очень заунывный, но красивый звук проникал в комнату. Прислушалась: на улице кто-то протяжно пел на арабском языке. Лежа с закрытыми глазами, наслаждалась этим удивительно чистым и звенящим в предрассветной тишине пением. Мое воображение незаметно перенесло меня в древность, окутывая какой-то невысказанной тайной и одновременно напоминая о чем-то, до боли знакомом, но очень давно безвозвратно утерянном в веках. Позднее Нуриттен объяснил, что утром и вечером со всех минаретов поется ежедневная молитва, называемая «азан».

Нуриттен ушел по каким-то своим делам, а вечером мы пошли гулять по городу. Нуриттен показал мне и своим сестрам, которых мы позвали с собой, одно из таинственных местечек, в которых бывают только отчаянные влюбленные. Там, укрывшись от придирчивых глаз моралистов, за чашкой кофе или без него, встречаются парень и девушка, чтобы поговорить о своей любви…

Попив горький кофе и ничего не сказав о своей, мы вышли на улицу.

Когда мы уезжали, нас провожала вся семья Нуриттена. На прощанье все женщины, одна за другой, целовали меня. Айша даже всплакнула, и я готова была сама заплакать.

По прибытии в Стамбул Нуриттен захотел показать меня еще одним родственникам — семье родного брата отца Айхана, которого он очень любил. Нас встретили хозяйка, сам Айхан, бабушка, двое взрослых, статных сыновей и очень красивая шестнадцатилетняя дочь Факма. Все, кроме бабушки, владели в той или иной степени английским, и потому наш разговор здесь более походил на общение.

Побыв у них немного и попив турецкого чая, мы попрощались. Они же, провожая нас, предложили мне остаться у них жить, а их детям стать сестрой, что прозвучало весьма неожиданно и не могло не тронуть меня. Я тоже чувствовала, что все они как-то вдруг стали родными для меня…»

Мечты прошлого

Нуриттен работал в строительной компании с мировым именем, и по очередному контракту ему пришлось уехать в один из подмосковных химических городков строить совместный с Российским завод по производству женских прокладок.

А Катя оканчивала университет, мечтала о замужестве и пылала готовностью следовать за любимым, куда бы то ни было. Нуриттен звал ее к себе, говорил, что скучает безумно и ждет каждый день. Много ли нужно молодой влюбленной девушке, мнящей себя уже счастливой с человеком, с которым прожила почти год, полностью доверяя ему и ожидая от жизни больших перемен? И едва защитив диплом, не думая ни о чем и сжигая за собой все мосты, Катя устремилась на его зов.

«…В начале нашей совместной жизни мне ни о чем не приходилось жалеть, ведь на поверку все мои мечты стали реальностью.

Новое место жительства, муж без пяти минут, свободный «график» жизни. Это, как я сначала думала, значит, когда сам себе хозяин, ни перед кем не надо держать отчет за свои действия.

Спустя месяц Нуриттен предложил мне работать переводчиком в его фирме.

— Не хочу!

Мой отказ вызвал на его лице гримасу неудовольствия. Собственно этим он и ограничился, не сказав больше ни слова о работе. Рабочий день с восьми и до восьми с одним выходным в неделю, хотя бы и за доллары, меня совершенно не устраивал. И, несмотря на то, что это была возможность реализовать свои профессиональные умения, отсутствие свободного времени не входило в мое представление о семейной жизни.

Прошло полгода, и все эти мечты стали для меня мечтами прошлого. При ближайшем рассмотрении они казались весьма невзрачными. Эту невзрачность усиливало мое одиночество: работа моего «любимого» длилась от зари до зари при двух выходных днях в месяц. Кроме того, страшное экологическое состояние городка, где нам пришлось осесть: отравленный воздух, отравленная вода, чахлые деревца и такие же люди — порождали чувство утраты чего-то прекрасного и естественного. Мое одиночество и безделье давали мне возможность читать и думать.

Я искала пути познания мира и вселенной, желая проникнуть в тайны и глубины мира, о существовании которых обычный человек даже не подозревает. От этого желания у меня дрожало все внутри, и я, как натянутая струна, жаждала, чтобы на ней сыграли волшебную симфонию.

Я путешествовала по разным мирам вместе с Карлосом Кастанедой, он первый открыл для меня, что все окружающее нас есть лишь наше желание, наши представление, и мы не видим ничего дальше них. Тогда как на самом деле мир совершенно другой, намного ярче, богаче, он необозрим и бесконечен в своем проявлении.

Как-то мой друг мне сказал: «Ты не со мной. Ты со своим Кастанедой». И это была правда. Он умел улавливать мое внутреннее состояние и чувствовать мое отношение к нему очень тонко. Я же хотела быть с ним, звала его с собой, звала познавать незнаемое. Но мой друг меня не понимал, он самодовольно заявил:

— Я все уже знает, что следует знать, и нет ничего, что можно было бы еще узнавать.

И это стало концом, вернее, его началом.

Наши отношения начали стремительно разлагаться. Все, что нас объединяло, безвозвратно рушилось. Мои мысли, чувства, желания тянулись вверх робкими росточками. Его же

— стлались низко к земле, мертвой петлей перетягивая мои тонкие всходы. Так создавались условия для моего побега.

И вот настал день, когда я села в поезд и уехала домой, сказав своему призрачному счастью: «Прощай, ты — не мое! Мое счастье — другое. А какое, я узнаю позже».

Катя вернулась в свое родное гнездо. Там она устроилась работать учителем в школу. Денег платили крайне мало, и когда наступило лето, Катя нашла работу в пионерском лагере.

ПЯТЬ МГНОВЕНИЙ СЧАСТЬЯ

Мгновение первое. А баня будет?

«…В то лето мне довелось работать вожатой в летнем детском лагере. Для меня это лето поделилось словно пополам. Первые две смены, которые я проработала на отряде шестилеток, и вторые две смены, совершенно противоположные первым, которые провела на спортивных отрядах. Если с шестилетками я была загружена с утра до самой ночи, то дети спортивного отряда были полдня сами заняты своими тренировками.

Начну с рассказа о первых двух сменах.

На сорок маленьких детей в отряде приходилось трое взрослых воспитателей. С самого утра малышню необходимо было поднять, кое-кого одеть, простыни описанные снять, застелить другими, кровати поправить. Целый день приходилось с ними безотлучно играть, развлекать, смотреть за тем, чтобы не повредились сами и не повредили друг друга. Вечером же — проследить, чтобы все умылись, и уложить их спать.

За день так наскачешься, что после отбоя падаешь и мгновенно засыпаешь. Никакого снотворного, только ощущение дикой усталости.

Особые дни в лагерной жизни — это банные дни. Старшая воспитатель мне сказала:

— Ты будешь следить за мальчиками в душевой, мы (имея в виду себя и еще одну вожатую) — за девочками.

Понятно, что с девочками хлопот намного больше. Помочь вымыть длинные волосы, включить-выключить душ, помочь одеться. А главное, следить за напором воды в предбаннике. Там следовало осторожно отворачивать большие вентили с горячей и холодной водой.

Мне как-то не по себе стало от такого задания.

— Мальчики могут и сами справиться с кранами. Что за ними следить? — запротестовала я.

— Мало ли что… Горячая вода — это не шутки! Еще могут ошпариться. Смотри за вентилями, чтобы не играли, — наставляла старшая воспитатель.

Мальчики есть мальчики. Если бы я была мальчиком, то мне бы явно не понравилось присутствие женского пола в душевой. Но делать нечего, я открыла дверь — а если не справлюсь? — и осторожно вошла внутрь.

Ребята, кто как мог, быстро прикрылись одеждой, которую уже успели снять.

— Буду помогать управляться с водой, — попыталась я оправдать свое вторжение, жутко смущаясь.

— А мыться вы тоже будете? — поинтересовались самые продвинутые. — Раздевайтесь!

И при этих словах сами бочком-бочком, похихикивая, проскакивали мимо меня в мыльню. Большинство детей все же восприняли мой приход совершенно спокойно. Одним словом, малыши еще…

Я прошла к этим злополучным вентилям, из-за которых здесь оказалась. Успела вовремя. Их уже начинали крутить. Отрегулировала воду, глянула, как они справляются с мытьем. Все мылись сами, кроме одного мальчика, его пришлось вымыть. Кто вымылся, молниеносно влетал в раздевалку. Но меня уже никто не стеснялся. Разгоряченные, они только хотели быстрей оказаться на улице. Пар окутывал меня, и вода стекала с меня ручьем.

Вечером пришло время укладывать их спать. Вот тут-то и началось. Как обычно, ничего не подозревая, присела на пустую постель, стоявшую посередине палаты. Поболтать перед сном… ну, то есть настроить своих подопечных на сон.

В этот раз мальчики что-то чрезмерно расшумелись.

— Все, хватит… Спать! — скомандовав, собралась идти.

— Мы вас не отпустим, — послышалось в ответ.

Мне стало смешно.

— Как это не отпустите? — подначила я их.

— А так. Мы вас свяжем, — сказал кто-то.

— У вас не получится…

— Получится, — заверили меня ребята.

— Ладно, спите, — попыталась урезонить их, — а то так и не уснете.

Я встала, чтобы покинуть комнату. Не успела дойти до двери, как громкий кто-то крикнул: «Держи ее!»

В одну секунду все двенадцать человек вскочили с кроватей и… бросились на меня.

Через секунду я оказалась поваленной на ближнюю к дверям кровать, у которой была в момент нападения. Безудержный смех распирал меня. Мои руки и ноги крепко были стиснуты несколькими парами рук. Невозможно было даже пошевелиться, каждое мое движение сразу же блокировалось. А сверху еще наваливались и наваливались горячие полуголые тела мальчишек. Шум при этом поднялся невообразимый. Мне стало немного страшно. Задушат!

— Это еще что такое!?? — вдруг раздался грозный голос старшей воспитательницы, неожиданно появившейся в палате.

Ребят мгновенно разнесло по углам. Ошарашенной и растрепанной пришлось предстать перед глазами старшей коллеги, как будто я была не воспитателем, а нашкодившей девчонкой из отряда. Она, молча, оглядела меня с ног до головы и посторонилась, освобождая мне дорогу. Пристыженная я выскочила в коридор.

Одновременно с этим меня распирало от переполнявших счастливых эмоций. Всем своим существом понимала, что произошедшее — само по себе невероятно и… прекрасно. И в глубине души было все-таки досадно, что нам помешали. Функции воспитателя не позволяли таких вольностей, и поэтому продлить себе непередаваемые ощущения было не в моей власти.

Хорошего понемножку!

После этого случая несколько дней не дежурила на мальчиковой половине, причем сама попросила старшую об этом. Я только заглядывала к ним на минутку, чтобы сказать «Спокойной ночи!», и сразу уходила. Но на следующий банный день я снова была у них в карауле. И встречали меня почти аплодисментами. А впрочем, мне, наверное, это показалось…»

Мгновение второе. Ночной дозор

Милая загадочка
Природа стихла. Затаилась
Пред тобой, Красавица!
Ты сегодня верховодишь,
Милая Забавница.
Стихли князе и бояре, —
Не робей, Загадочка.
Леденишь ты целый свет, —
Трепещу, Беляночка!
Дрожь ресниц, дуга бровей, —
Не покидай, Лебедушка!
Лишь аромат растекся вслед, —
Ну прощай, Черемушка…

«…Как шквал, как мощная волна промчались первые двадцать четыре дня. Пришло время встречать новых ребят, таких же сопливых и в чем-то беспомощных. Было тоже очень весело, игриво, «банно».

В этот раз история с «мщением» своему любимому воспитателю, к моему большому удивлению, собиралась повториться. Но я не позволила подступиться к себе близко. И, может быть, было воистину жаль, что пришлось не позволить.

К тому времени я успела завоевать уважение со стороны тех, с кем заступила на эту новую смену — старшего воспитателя Татьяны Викторовны и ее семнадцатилетней дочери Лены, с которыми мы подружились с первого дня работы.

Лена все больше занималась своими делами, и, несмотря на то, что мне и ее маме приходилось работать за троих, я не роптала, ибо мне нравилось заниматься тем, чем занималась — детьми, доверенными нам их родителями. На этот раз речь пойдет не о детях, а о тех, с кем мне довелось жить и воспитывать этих детей.

В лагере каждые три дня устраивали танцы для всех желающих. По правилам лагеря шестилеткам дозволялось плясать до полдесятого. После этого мы выводили из клуба своих подопечных, чтобы уложить их спать на час раньше остальных отрядов. Они послушно бежали в отряд. Уложив в постель все сорок человек, мы с Татьяной Викторовной начинали ждать нашу Лену.

С некоторых пор она стала задерживаться на танцульках.

Рядом с лагерем располагался дачный поселок, оттуда к нам в лагерь наведывались трое парней лет двадцати — двадцати трех. Они очень вольно чувствовали себя на территории лагеря. И когда они появлялись в клубе, то походили на черных воронов, выглядывающих, как бы поживиться чем-нибудь сладеньким. Они почти не танцевали, все больше кривлялись, насмешничая над другими. Чаще они сидели на лавках, оглядывая зал, или ходили между танцующими.

Они мне очень не нравились. Про таких молодцов говорят — хлыщи. У самого высокого из них на голове постоянно пребывала большая черная шляпа, из-под которой не было видно глаз, что усиливало его сходство с вороном. Другим двум хотелось посоветовать больше гулять на улице, такие они были невзрачными и бесцветными на вид.

После танцев Лена и ее ухажеры подолгу задерживались на улице, и мы часто засыпали с Татьяной Викторовной, не дожидаясь ее прихода.

Татьяна Викторовна очень волновалась за свою немного легкомысленную дочь. Та не только болтала с парнями, стоя на веранде отряда, но и начала вдруг уходить с ними в дачный

поселок, где они жили. После нескольких таких отлучек своей дочери, из-за которых очень переживала и мало спала, Татьяна Викторовна решилась на отчаянный поступок.

Она предложила мне побыть «подружкой» Лены. По ее задумке, однажды вечером, а лучше всего завтра, я должна «захотеть» погулять вместе с Леной.

Бредовая идея, но я не могла отказать Татьяне Викторовне, разделяя ее беспокойство.

Наступил вечер. Я, должна признаться, нервничала.

Все происходило до смешного просто. Вышли мы с Леной к условленному месту встречи с ее дружками. С первого взгляда на меня ребята поняли все.

— Охранять пошла? Как бы Лену не съели? — съязвили они.

— Посмотреть, чем вы занимаетесь, — подыграла я.

Парням явно не по вкусу пришелся мой «выход».

Ночь, луна в небе, а мы, покинув безопасный лагерь, шагаем в дачный поселок, до которого идти не более километра.

— Зря волнуется Татьяна Викторовна. Мы же ничего не делаем плохого, — говорил слащавым голосом худощавый парень, извиваясь угрем около меня. Он представился Толиком.

Я не отвечала. Очевидно, что им мешало мое присутствие. Как бы то ни было, я ощущала странную приподнятость настроения. Мне нравилось идти ночью по незнакомой местности, выступая в роли невольного блюстителя нравов. Волнующее чувство ночи и скрытая внутри дрожащая радость усиливали мое состояние.

Лена шла рядом с высоким парнем в шляпе. Она как-то глуповато улыбалась. Войдя на территорию дачного поселения, наша «славная» компания остановилась у деревянного домика. Лена и двое из парней, включая того, кто в шляпе, прошли ближе к дому. Сопровождающий меня Толик предложил пройти на его дачу, расположенную в нескольких домах от того места, где мы стояли.

— Я никуда не пойду без Лены! И буду стоять здесь, на улице! — громко заявила я.

О чем-то пошептавшись со своим дружком и Леной, парень в шляпе подошел и что-то сказал Толику.

— Ну-ка, о чем вы там шепчетесь? — строго спросила я, предчувствуя недоброе.

Парень в шляпе объявил, что все они тоже пойдут на дачу. Мы дошли до двухэтажного дома за каменной оградой, поднялись на второй этаж и остановились в большой мансарде, не проходя дальше в комнаты. Зажгли тусклую лампу, свисающую с потолка. Меня не покидало чувство, что случится что-то нехорошее. Парень в шляпе слонялся по мансарде, а вместе с ним слонялись его дружок и Лена. Через минут пять «шляпа» обратил внимание на мое напряжение.

— Расслабься… Ничего плохого не будет…

— Мы скоро придем, — бросил как бы невзначай и быстро скрылся за дверьми.

За ним последовал его дружок и… Лена.

— Лена? — тревожно окликнула ее.

Но только платье мелькнуло в дверях. Не стану же я бежать за ними следом!

Не хотелось ни пива, которое мне усердно предлагал Толик, ни играть в карты, которые меня вообще никогда не интересовали. Он, бедный, не знал, чем меня занять.

— Ну, ладно, давай поговорим, — наконец сказал он.

Разговор не получался, я сидела как на иголках и все порывалась пойти за Леной.

— Они скоро придут, — без устали твердил Толик и не давал мне подойти к дверям, кружа вокруг меня, как ястреб.

Это «скоро» что-то затягивалось. Прошло, должно быть, около получаса. Терпение заканчивалось. Пока сижу здесь, они там занимаются тем, чего я не должна была допустить.

— Пойду! Мне надоело ждать! — заявила я Толику.

— Тебе ее не найти, — тон моего собеседника стал умоляющим.

— Я буду кричать и разбужу весь поселок!

— Еще немножечко, она уже должна прийти, — торопливо залепетал Толик, пытаясь не подпустить меня к выходу, но и не решаясь применить силу.

Не хотелось поддаваться его уговорам. Оттолкнув его, уже через минуту я стояла у того дома, где мы останавливались первый раз. Толик не отставал. Я потребовала Лену во что бы то ни стало. Толик свистнул пару раз.

Лена появилась через долгих несколько минут, вся какая-то неопределенная и с блуждающими глазами. Дружок в шляпе не появился.

— Лена, пошли, — сказала я жестко и решительно.

— Иду, — едва слышно проговорила она и покорно поплелась за мной.

Почти силой пришлось тащить ее в лагерь. Я торопилась. Когда подошли к нашему корпусу, она попросила:

— Не говори ничего маме. Придумай, что мы играли в карты.

Ради чего молчать? Не могу сказать, что такое поведение как-то повлияло на мое мнение о ней. Ее неопределенность не удивляла. Мне было жаль ее мать.

Когда дочь, взяв полотенце и мыло, ушла умываться, Татьяна Викторовна жадно набросилась на меня с расспросами. Я рассказала ей о чем, на мой взгляд, можно было, не упомянув о получасовом выходе ее дочери из моего поля зрения. Не хотела расстраивать. Судя по моему смущенному виду и очевидной недосказанности, она все поняла… И хотелось, чтоб поняла…»

Мгновение третье. Охота за силой

Наступила третья смена. Я вздохнула полной грудью. Первые дни казалось непривычным, что каждую минуту думать, чем бы занять детей, на что направить их деятельную энергию, чтобы они с пользой проводили время в лагере и чтобы, приехав домой, не говорили, что в лагере — скучно.

Увы, можно было больше не гонять мяч на футбольном поле, не играть в бадминтон и шашки, не заплетать длинные волосы девочкам и не напоминать мальчикам, что им пора переодеться в чистую одежду. Пришло осознание, в каком состоянии постоянного напряжения я находилась первые сорок восемь дней. Оказывается, в лагере можно жить совершенно по-другому!

Отряд, куда меня перевели, состоял из спортсменов двух возрастных категорий: по две палаты мальчиков и девочек тринадцати — пятнадцати лет и по две палаты юношей и девушек по шестнадцать — восемнадцать лет.

Когда в лагере все еще спали, тренер поднимал их и выгонял на разминку. Спортсмены возвращались, когда остальные отряды только просыпались и шли к умывальникам. Потом два раза в течение дня, после завтрака и после полдника, ребята убегали на тренировки. Я оставалась в отряде в качестве сторожа и клинера. Вместе со мной оставались еще и дежурные, один человек на две палаты. Главное в моей работе как клинера — кровати. Некоторые дети-шестилетки заправляли свои кровати лучше, чем ребята из старшего отряда. Те их вообще не заправляли, а лишь накидывали на свои постели, похожие на взбитые сливки, покрывало.

Каждое утро, через час после завтрака, приходила комиссия, состоящая из двух медиков и организатора культмассовых мероприятий в лагере. Они смотрели на натянутость постелей, отсутствие пыли и порядок в тумбочках.

Мне хватало того, что я проверяла работу дежурных по палате, которую чаще выполняла сама. Переправлять плохо убранные постели я считала не входящим в мои функции делом. Но, как оказалось, ошибалась. За лень и безответственность дежурных мы начали получать двойки. Меня вызвали к начальнику лагеря.

— Вы проработали две смены на шестом отряде. Работали хорошо, — методично наставляла начальница, видная женщина, любившая командовать и повелевать. — Чтобы вы смогли отдохнуть, я вас специально перевела на спортивный отряд, но это не значит, что надо забывать о своих обязанностях.

Мне нечем было защищаться. В данном случае она была права.

Начальница перешла на «ты»:

— Ты должна заправлять за ними кровати, если они не могут. У тебя есть для этого целое утро!

Почему-то она не вспомнила, что и оформлением отрядного уголка, и подготовкой выступлений на сцене — спортсменам заниматься некогда — заправляла я одна. Тренеры к подобным делам вообще не прикасались.

— Хорошо, — ответила я, — исправлюсь.

И с того момента в мои функциональные обязанности вошли еще и злополучные кровати.

Я жила в одной из палат со взрослыми девочками, потому что «вожатскую» занимали два тренера-мужчины. Сначала такая расстановка вещей мне не очень понравилась — хотелось поселиться где-нибудь в другом месте, например, в корпусе для административных работников, но не разрешили.

— Воспитатель должна находиться в отряде вместе с ребятами, — сказали мне.

Пришлось забыть о своем неудовольствии, и впоследствии не пожалела об этом.

Помимо кроватей и оформления уголка я всю смену дежурила в столовой. В течение дня мне и еще двум ребятам из отряда приходилось четыре раза накрыть и столько же раз все убрать со столов. Правда, убирать приходилось почти чистые тарелки, особенно в обед. Спортсмены ели много и все постоянно просили добавки.

С утра, когда весь отряд убегал на тренировки, прибрав в палатах, я убегала вслед за ними. Поначалу пыталась бегать вместе с девочками, но задаваемых им нагрузок не выдержала и начала бегать одна.

Мой маршрут пролегал вдоль лагеря по проселочной дороге, затем продолжался мимо леса, который мощной темно-зеленой тянулся до шоссейной дороги, там я делала небольшую петлю и бежала назад. Длина моего маршрута составляла десять — пятнадцать километров каждое утро. Прибегая в лагерь раньше отряда, успевала принять душ, переодеться. К концу смены моя физическая форма хорошо подтянулась.

После обеда и обеденного сна включалась в активную работу по организации выступления отряда на сцене местного клуба на очередном мероприятии. И скоро мне предложили соразмерить мой сценический пыл с деятельностью внутри отряда. С начальством спорить не будешь: пришлось организовывать турнир отряда по шашкам, турнир по шахматам, турнир по баскетболу. И затем отслеживать результаты с утра до вечера.

Забот и хлопот хватало на целый день. А душа просила что-нибудь необыкновенного и прекрасного.

Познакомившись и подружившись со спортсменками из отряда, я стала делиться с ними своими познаниями в эзотерике. Рассказывала девочкам из своей палаты на ночь разные необычные истории, происходившие в жизни реальных людей.

Поведала им и о том, что параллельно с нами живут совершенно иные существа, обладающие такой энергией, которой нет у человека, — а ее можно получить при встрече с этими существами. При контакте следует быть очень осторожными. Чрезмерная доза не присущей человеку силы может принести вред и непоправимый. Человек, как энергетическая сущность, способна накапливать и аккумулировать разные виды энергий, которые можно использовать как для подпитки своей энергосистемы при большом расходе сил, так и при совершении простых действий, только с большим эффектом и отдачей. При определенном количестве накопленной таким образом энергии возможно необычно мощное развитие и совершенствование своего тела и его способностей.

Обо всем этом я начиталась у Карлоса Кастанеды. Девчонкам в отряде сказала, что очень бы хотела попробовать войти в такого рода контакт с существами ночи и что не сделала этого раньше лишь потому, что не было подходящего момента и соответствующих условий. Для контакта необходимы ночь, тишина и единомышленники. Одной пытаться выходить ночью в лес — не хватит мужества, да и смысла особого нет. Эзотерика хоть и захватывала меня, но не до фанатизма.

В «охоте за силой» вызвались участвовать четыре девушки. Я провела инструктаж, что делать и как себя вести во время этого.

— Сначала нужно вызвать существа ночи, выманить их из леса, а затем, подпустив максимально близко, бежать. Именно бежать, иначе могут произойти совершенно непредсказуемые изменения в теле человека вплоть до его гибели. Человек может лишиться своей жизненной силы: существо не отдаст, а само вытянет всю энергию. Подобные воздействия, а именно контакт с существами из параллельного мира, не изучены официальной наукой, соответственно, им нет противоядия. Для обмена энергиями достаточно подпустить существо на близкое расстояние. Даже при этом тело человека способно перенять часть инородной силы.

— Пойдемте, поучимся бегать.

Девочки переглянулись.

Мои слова звучали смешно, ведь передо мной находились спортсменки, но все же, когда мы вышли из корпуса, я продемонстрировала так называемый бег силы, которым следует пользоваться при выходе из контакта. При бегстве ночью от неизвестных существ эти начальные навыки могут пригодиться.

Он позволял быстро передвигаться в полевых условиях в полной темноте. «Охотницы за силой» попробовали новый вид бега. Набегавшись и насмеявшись вдоволь, мы приняли решение отправиться в лес ближайшей ночью.

Дождались, когда в тренерской все стихло. Как доложила «разведка», наши тренера ушли к воспитателям из других отрядов. Если тренера пьют, то им, скорее всего, не до нас.

Очень осторожно, на цыпочках, пригнувшись, перебегали мы от дерева к дереву, пока не достигли забора, ограничивающего наш лагерь. Сразу за забором шла вверх дорога, слева от нее темнел лес, к нему мы и пошли. Отойдя от лагеря на полтора-два километра, мы расположились на поле невдалеке от леса и заняли выжидательную позицию. Сели, подобрав ноги под себя и строго соблюдая круг. Мы замерли, мысленно призывая существ ночи подойти к нам. Кто-то из девочек уже через две минуты начал дрожать.

— Девочки, пошлите в лагерь, — робко позвала она нас.

— Зачем мы тогда сюда пришли? Так ничего не увидим и не узнаем… — удерживала я девушку.

Она вся дрожала, ей досталась самая опасная позиция — спиной к лесу. Если пойдет она, то за ней пойдут и другие. Где-то вдалеке послышался хруст сухих веток. Кто это? Как будто кто-то шагал в тяжелых сапогах и направлялся прямо к нам. Все напряглись, как одна пружина, готовые вмиг оказаться на ногах.

Бум! Бум! — шаги становились явственнее, их звук отдавался в наших животах, которые сжались от страха.

— Подпустим поближе, — настаивала я железным голосом. — Иначе обмен силой не произойдет.

Шаги раздались прямо за нашими спинами. Девочки вскочили и с воплем побежали по полю через высокую колючую траву высотой с десятилетнего ребенка. Это была еще одна мера предосторожности. Громкий крик, считалось, отпугивает существа ночи. Мы с одной девочкой Ксюшей задержались на секунду дольше в надежде что-нибудь увидеть.

Бум-бум-бум!

Что-то темное и большое бежало к нам. Мы рванули, я бежала замыкающей, чувствуя ответственность за тех, кого повела за собой.

Вдруг меня что-то сильно ударило в спину, и в следующую секунду я покатилась на животе по траве, раскинув руки в стороны. Ксюша, обернувшись и увидев, что меня нет, заорала благим матом.

— Ка-тя-а-а!

Это спасительное мгновение позволило мне вскочить на ноги и припустить бегом силы. Что-то тяжело топало сзади. Добежав до дороги, я почувствовала, что дорога, словно некая граница, за которую существо не переступит. Слегка отдышавшись, мы с Ксюшей пробрались в лагерь.

Впечатления переполняли девушек, они едва успокоились. Хорошо, что тренеры спали глубоким сном. Их дружный храп говорил нам о том.

На следующую ночь мы решили повторить прогулку, и нас было уже трое. В этот раз существо появилось намного быстрее, как если оно уже ждало нас. Шаги возникли где-то посередине того расстояния, что нас разделяло от леса. И двигалось существо целенаправленно. Мы соскочили с мест, страх поднимал волосы. Вчерашний удар еще сказывался на мне: ныл живот, и было ощущение, словно я надорвалась, таская тяжести. В этот раз Ксюша почему-то

замешкалась. Сзади послышался слабый вскрик. Я бросилась назад. Дико крича и вопя, Ксюша вцепилась мне в руки.

— Меня что-то толкнуло в спину, очень сильно, — заикаясь, говорила она.

Треск сучьев под тяжестью чего-то громоздкого подстегнул нас. Мы с девушкой не помнили, как домчались до дороги. Третьей любительницы приключений, нашей компаньонки, не было видно. Она уже, наверно, лежала в кровати под одеялом. С трудом переводя дух, мы домчались до корпуса.

На следующий день о наших вылазках знали все старшие ребята в отряде, а младшие изнывали от любопытства, но их не просвещали в подробности ночных приключений.

На «охоту за силой» напросились мальчики из третей палаты. Идти в лес собралось человек пять. Остальные мальчики (всего в палате проживало двенадцать человек) сели с девочками на лавочку, стоявшую несколько в стороне от главных ворот лагеря.

Окрыленная успехом, я не чувствовала подвоха. На ум даже не пришло, что ребята изначально ничего не боялись и ничему не верили. Они не захотели садиться посреди поля в ожидании того, что к ним кто-то там придет. Не скажу, что агрессивно, но воинственно, они вошли в лес, сразу и без церемоний. Я шла за ними.

Конечно, ничего не произошло. Шум и агрессия никого не привлечет. Ни одно существо, уважающее себя, не выйдет для того, чтобы показать себя. Если нет цели никакой другой, кроме как увидеть и победить, нет и контакта. Мне было досадно и невесело.

Мальчики вернулись назад. Спать никто не пошел, хотя было уже за полночь. Они присоединились к ожидающей компании на лавочках. Гвалт и хохот поднялись неописуемые.

Испугавшись возникшего шума, я попробовала их урезонить, но никто не обращал на мои воспитательские потуги никакого внимания. Тогда, воззвав к их совести, я отправилась в отряд одна, чтобы личным примером заставить вернуться подростков в лагерь, а также и предупредить возможный скандал. Каким образом я собиралась это делать, не представляла. В лагере, к моему облегчению, было тихо, все, видимо, спали богатырским сном. И моя тактика сработала: скоро подтянулись и ребята.

Эта ночная вылазка открыла череду последующих. В мои планы отрядные прогулки под луной не входили. Но, с другой стороны, что просило начальство, то и было исполнено. Отрядные дела у нас «превысили» все показатели.

Самое невероятное в этой истории то, что половина отряда, которой наутро предстоит жесткая тренировка, уходила за территорию лагеря во главе со своим вожатым-воспитателем. Палаты пустовали несколько часов после отбоя. Кому угодно от такого станет плохо.

Я очень переживала, что начальство прознает о наших «охотах» и тусовках. Как ни странно, все обошлось.

Вожатые и тренеры сами уходили по ночам куда-то подальше от корпуса и весело проводили часть ночи. Ну почему бы и нет? Главное, дети все спят, и вожатые находятся на посту.

Мгновение четвертое. Остановись, мгновение!

К звезде
Замри, Земля!
На небосклоне вспыхнула моя Звезда!
Я — здесь, я жду тебя!
Ты светишь мне, родная… я затихаю,
Ты из прекрасной бездны выносишь песнь свою!
С благоговением внимаю Дару, что посылаешь ты!
Звезда, твой свет безмолвен и возвышен.
И я восторженно к тебе взываю:
Коснуться мудрости твоей позволь, Святая.

Смена заканчивалась, а вместе с ней катилось к концу и лето. Последние теплые ночи. Сердце щемило от неизбежности этого конца. Душа рвалась к каким-то свершениям, каким именно, она не осознавала до конца.

В отряде мне нравился один мальчик Вова: высокий, статный, с родинкой у верхней губы. Я не могла равнодушно смотреть на него. На правах воспитателя после отбоя приходила в палату к мальчикам с целью проведения воспитательных бесед. При этом гам поднимался невообразимый. И через несколько дней тренеры решительно посоветовали мне оставить ребят в покое.

— Они приехали в лагерь тренироваться, — внушительно сказал мне маленького роста крепыш. — А после ваших вечерних бесед на тренировке днем они двигаются еле-еле и ничего не могут сделать, как следует.

Пришлось подчиниться, тем более что тренеры закрыли вход на половину мальчиков, через который я к ним приходила, на ключ.

Несмотря на это, каждую свободную минуту я искала глазами красивое, с благородными чертами лицо, чтобы взглянуть на него. Вова иногда играл со мной в теннис, лучше сказать, учил играть. Мне очень нравились эти уроки, я могла любоваться молодым человеком во время них.

Во время отрядных или обще-лагерных мероприятий, в которых я принимала активное участие, он каким-то образом оказывался где-то рядом, в поле видимости, но недосягаемости.

Мероприятия проходили почти каждый день в местном клубе, кроме тех дней, когда показывали кино или устраивали массовую игру типа «зарницы». Воспитатели из разных отрядов готовились к ним во время тихого часа. Я была самым активным воспитателем, развлекающим детей, и особенно любила участвовать во всех тематических спектаклях, которые ставились практически через день.

Мне нравилось быть актером, что позволяло с упоением предаваться процессу игры той или иной роли. Это легко объясняется. Когда ты очень молода, полна энергии и нерастраченного творческого запала, то не ощущаешь усталости.

Вова всегда приходил смотреть театральные представления, хотя сам никогда не участвовал в них. И когда я выступала, он обычно занимал место на первом или втором ряду справа. Его присутствие наполняло меня радостью и будоражило мое воображение.

Между нами не прозвучало ни слова, ни намека на какой-либо романтизм или лиризм в наших отношениях, словно мы оба негласно подписались под соглашением о запрете на какое бы то ни было выражение чувств.

Мы защищали то, что само рождалось в нас безотносительно нашей воли и желания. Мы чувствовали присутствие друг друга, наш обмен взглядами был наполнен призывом к общению, и нас притягивало друг к другу, независимо от нашей воли.

Осталась последняя ночь. Дискотека в клубе в эту ночь длилась дольше обычного. С девочками мы решили потихонечку исчезнуть с дискотеки и пробраться за территорию, на поляну. С нее хорошо просматривалась река, на берегу которой размещался лагерь.

Когда мы вышли из клуба, на небе сияли звезды и висел серп луны, вдалеке слышалась тихая музыка. Неописуемая красота окружающего мира восторгала, рядом стучали юные сердца, с которыми прожила почти месяц. Душа прикоснулась к чему-то грандиозному и величественному. Какое-то таинство пронизывало все вокруг.

Пока мы пробирались за территорию, кто-то из девочек заметил какое-то движение за темными деревьями.

— Мальчики идут за нами, — разглядели они.

И действительно, когда мы выбрались на поляну, один за другим к нам присоединились мальчики из палаты, где жил Вова. Он не стремился к лидерству, но был им. Ребята из этой палаты почти не общались с теми взрослыми парнями, что устраивали ночные вылазки за территорию лагеря.

А вот и сам Вова. Он подходил к нам одним из последних. Как будто бы не хотел присоединяться к нам.

Тут произошло нечто непредвиденное и не воспринимаемое умом: контакт глазами и… мощный разряд энергии: мы устремились друг к другу. Руки потянулись навстречу на глазах у всех. Солнце еще догорало, и на фоне серого неба и реки четко вырисовывались наши силуэты.

Преодолеть притяжение было уже не в наших силах. Мои руки обвили его шею, его руки притянули меня за талию. Мы обнялись. Наши поля скрестились, заискрились, и мощная волна энергии прошлась с головы до ног.

Воистину ночь была волшебной.

Ни о чем не думая, мы полностью отдавались восприятию своих ощущений. Словно поднявшись в воздух, мы воспарили. Наши чувства наслаждались и насыщались друг другом.

Юная стройная пионервожатая и высокий крепкий парень стояли и не шевелились. Все смотрели на нас, никто не понимал, что происходит, мы сами не понимали…

Как я хотела, чтобы никого не было вокруг в этот момент, чтобы мы могли одни танцевать на траве под звездами. Душа испытывала невыразимое счастье.

Остановись, мгновение, ты прекрасно!

Через несколько минут в голову прокралась мысль-лазутчица: «Мы все-таки не одни».

Мы расцепили руки. Медленно, очень медленно, я отпрянула от него. Может быть, нам убежать? Но мы же не договорились заранее!!! А теперь уже поздно… Собственно, и зачем?

До моего сознания дошли звуки окружающего мира. Я увидела глаза тех, кто невольно наблюдал за нами.

Недоумение. Смущение. Зависть. И готовность к чему-то необычному.

То, что последовало дальше, действительно обычным назвать нельзя.

Кто-то побежал первым. Или мы все вместе побежали — сказать трудно. Очевидно одно, вдруг мы начали гоняться друг за другом в темноте и ловить, кто кого поймает в высокой траве. Смех, борьба, сжатые на запястье пальцы — какое-то сумасшествие.

Потом мы все упали на траву. Несколько ребячьих голов улеглось рядом с моей головой, некоторые головы, самых смелых, легли прямо на меня. С высоты наше расположение походило на большее лучистое солнце. Мы лежали и наслаждались звездным небом, наслаждались мгновением.

На следующий день все уезжали домой. А я оставалась на последнюю, четвертую смену.

Мгновение пятое. На заре ты ее не буди

Жемчужина
Неожиданно, сквозь ночь, Мой взор приворожив,
Одна во мху зеленом нетронуто лежит.
И никого вокруг. Землей облеплена.
От воздуха сквозящего яркая дрожит.
Я на коленях бережно ее на ладонь взяла.
Ослепительно прозрачная ты теперь — моя.

Они уехали на следующее утро. Последняя ночь запечатлелась в моей душе так сильно, что, когда встретила вновь прибывших на последнюю, четвертую смену, мне хотелось расплакаться.

Настолько новенькие не шли в сравнение с теми, кто жил здесь до них. Мне казалось, что лица у всех неприметные, и сами спортсмены какие-то невзрачные.

И ничего не могла поделать с собой!

Это мое состояние не преминуло отразиться на моей работе. С утра я уходила бегать, к чему привыкла за прошлые двадцать четыре дня, потом шла на реку или в душ. Вечером сочиняла новый номер для выступления на сцене в лагерном мероприятии. Другими своими прямыми обязанностями я пренебрегала.

Вскоре меня вызвали к начальнику лагеря для внушения и проработки. Внушили и проработали.

И я снова приступила к выполнению своих многочисленных обязанностей.

В отряде насчитывалось вместо обычных двух палат три палаты девочек примерно одного возраста (лет двенадцати-четырнадцати) и только одна палата мальчиков. Уборка территории проходила легче и качественнее, чистота в корпусе наводилась отменная. Приехавшие из сельской местности спортсмены не были избалованы и по своей привычке к труду делали все быстро и без лишних понуканий.

Я начала внимательнее приглядываться к подросткам, и моя тоска понемногу стала утихать. Девочки активно помогали мне во всем, и я старалась быть им хорошим воспитателем. По ночам развлекала разговорами о всяких загадочных явлениях, о том, что здесь происходило до их приезда. На их просьбы сходить с ними тоже «за силой» я отрицательно качала головой.

Та смена должна была остаться в моей памяти без каких-либо повторений. Иначе она потеряла бы свою неповторимость и уникальность.

Однажды в середине смены к нашему корпусу подошли трое взрослых ребят. Они приехали из города в лагерь к кому-то в гости. Вид транспорта, ими использованный, — велосипеды. Пятнадцать километров по пыльной дороге не составляла для молодых и здоровых парней большую трудность. Пыль покрывала их лица, и это показалось мне очень романтичным.

Ребята мне понравились, особенно один из них. Крепкий, веселый, с открытым лицом радовал глаза и сердце. Мое юное и ждущее настоящей любви сердце в свои двадцать три года.

«Городские» поговорили о разных разностях с мальчиками из нашего отряда, сидевшими около теннисного стола и ожидавшими, когда он освободится. Он был занят игрой: моя младшая коллега по отряду Галя и я усердно мучили теннисный шарик. Вскоре приезжие ушли.

Я считала свою игру в теннис довольно сносной и даже гордилась своими успехами. Но вечером, увидев, как играют они, когда нельзя было уследить за шариком, а восхищенные игрой мальчики наперегонки бросались поднимать редко падавшие со стола мячи, больше я уже не чванилась своими достижениями…

После отбоя к нам в корпус постучали. На крыльце стояли все трое. Познакомились. Того, кого я выделила среди других, звали Сергей. Погуляли немного около отряда. Моя симпатия усугубилась. Спать я легла растревоженная мыслями и мечтами.

Наши новые знакомые приезжали в лагерь каждые два-три дня на лагерную дискотеку. Мы танцевали бок о бок, иногда он приглашал меня на медленный танец. Дней за пять до конца смены и до конца лета Сергей сказал:

— Мы сегодня остаемся в лагере на ночь.

В этот день после дискотеки, как обычно, я принимала посильное участие в укладывании детей спать, что в большей степени производила их тренер. Она относилась к подросткам, как к своим детям, которые отплачивали ей удивительным послушанием и большой любовью.

Освободившись, мы с Сергеем пошли гулять за территорию лагеря. Далеко уйти оказалось невозможным: когда скрылись огни фонарей лагеря, мы ничего не могли различить дальше своего носа. К тому же Сергей, приехав в одной футболке, начал замерзать: августовская ночь — это не июльское парное молоко и даже не июньский бодрящий напиток. Августовская ночь — это холод ледниковых гор, беспрепятственно пробирающийся даже под олимпийку, которой я попыталась согреть Сергея, принеся ее из отряда. Прогулке нашей пришлось закончиться, а расставаться не хотелось.

Вернувшись в лагерь, я предложила устроиться на ночь в небольшом углублении в земле под двумя березами, неподалеку от того места, где раньше располагалась площадка для пионерских линеек, которая сейчас почти не использовалась.

(Эту яму я приглядела уже давно, когда пряталась от противника в игре «Зарница» в прошлую смену. Тогда еще мелькнула мысль: «Как было бы замечательно устроиться здесь на ночлег!»).

Сергей принес два одеяла от своей родственницы, работавшей в лагере врачом, надел чью-то куртку. Я тоже хотела принести из своего отряда одеяла, чтобы вернее спастись от холода. Сергей отмахнулся, заверив, что мы и так не замерзнем.

— Холодно же, замерзнем, — попыталась я возразить.

— Да не замерзнем. Хватит двух одеял.

Он как-то уж очень не хотел, чтобы я уходила, может быть, боялся, что не вернусь.

Расстелив одно одеяло на земле, мы укрылись другим. Небо искрило звездами, что у меня захватило дух.

Красота.

Темень.

Воздух свеж и прозрачен.

Рядом человек, который, хотелось бы верить, может стать моим единственным и навсегда.

Полежав немного спокойно, Сергей вдруг потянулся ко мне. Когда его намерения не оставили сомнения, я твердо выразила свое несогласие на развитие известных событий.

Мои чувства трепетали от великолепия окружающего мира и возвышали мою душу. Я восприняла желание своего знакомого как земную суетливость и изрядную приземленность. Меня покоробило его непонимание торжественности момента и бесчувственность к присутствию Ока космоса, которое взирало на нас сверху.

Сергей обиженно отвернулся и вскоре засопел. А я… наслаждалась музыкой природы. Моя душа ощущала себя частичкой Вселенной, и горячее и нежное чувство, подрагивающее внутри, говорило мне о любви, красоте и счастье.

Холод закрадывался под куртку и теплые джинсы. Туман наползал на нас. Приближалось утро…

Наступил последний день.

Прощальная дискотека.

Я высматривала Сергея.

Ни его, ни его друзей…

Ну, не могли же они пропустить эту последнюю ночь в лагере! Я заняла позицию у стены так, чтобы можно было видеть все двери в клубе. Стрелка часов указывала уже девять, полдесятого… Вдруг в одной из дверей появились два его друга. Сейчас он тоже войдет, улыбнется и пригласит танцевать.

Сергей так и не вошел… Горечь подступила к горлу, тяжело было осознавать, что мои надежды обернулись лишь моими грезами о счастье, которые рассеялись как дым. Если Сергей не пришел, то, значит, он — не моя судьба. И очень хорошо, что ночь прошла в созерцании и единении с природой, а не в соединении с соседом по ямке, и поэтому ничего не нарушило моего равновесия.

Ну, почти ничего.

Лето закончилось…»

Каскад испытанных эмоций за лагерную жизнь глубоко потряс впечатлительную натуру Катерины, и к ней пришло понимание, что в этой жизни ей необходимо встретиться со своим Суженым. Это то, к чему ей предстоит идти.

И чтобы встретить Высокую любовь, следует самой стать достойной этой любви.

УХАЖЕРЫ

Кате не терпелось встретить своего идеального мужчину, мужчину своей мечты. Она на вид стройная, молодая, длинноволосая, с красивыми большими выразительными глазами привлекала как женатых мужчин, так и молодых, даже очень молодых, людей к себе.

Лаборант

«…После уроков я иногда сама приходила к Вениамину Петровичу в лабораторию, где он был заведующим. Прежде чем запустить меня к себе в кабинет, Вениамин Петрович сначала с пристрастием оглядывал коридор и только в том случае, если тот был пустым, позволял мне пройти и быстро закрывался на защелку изнутри. Пожилой лаборант соблюдал строжайшую конспирацию. Это поначалу настораживало, а потом привыкла.

Чаще же он сам вылавливал меня в коридоре, стоя у своей лаборатории. Я даже иногда удивлялась, как он знает, что сейчас буду проходить мимо. Видимо, ждал.

Это был преподаватель электротехники, старше меня лет на тридцать, с ним довелось познакомиться на одном из корпоративных праздников. Между нами быстро образовалась довольно своеобразная дружеская связь. Оставаясь наедине, мы говорили друг с другом обо всем на свете и много смеялись.

Помню, как он, завидев меня проходящей по коридору, хватал за руку, что-то шептал неразборчиво и почти вталкивал к себе. Со стороны это выглядело так, что мужчина подталкивает в спину молодую девушку и захлопывает за ней дверь. Он не давал мне даже подумать, хочу заходить к нему лабораторию или нет.

Меня это смешило. Я заходила — под таким нажимом не устоишь — и ждала, чем он собирался меня веселить. А Вениамин Петрович, как правило, протягивал кулек с конфетами, а сам, сев напротив, закидывал ногу на ногу и начинал травить байки про свою жизнь или жизнь в колледже. Честно, меня это забавляло, хотя прекрасно понимала, что ему нравится мое присутствие рядом, нравится мой смех и внимание к нему.

Рядом с этим человеком я могла расслабиться и откровенно рассказать о своих трудностях или проблемах, возникающих в процессе работы. Он всегда поддерживал, сопереживал и всякую трудность обхахатывал, от чего становилось в разы легче.

Иногда Вениамин Петрович пытался меня чем-нибудь накормить. Поскольку приходилось оплачивать съемное жилье, а моя зарплата больше походила на «заплатку», денег на хорошее питание не хватало. И еще у него в тайнике всегда хранилась настойка, которой он меня угощал по праздникам или наливал, когда видел, что у меня чересчур пасмурное настроение. Становилось легче. Я очень благодарна Вениамину Петровичу за общение, оно доставляло мне немало положительных эмоций.

Со мной обращались по-отечески, хотя и с оттенком фривольности. Бывало, что наше общение балансировало на грани, и я слегка пугалась того, что он скажет в следующий момент, или настороженно наблюдала, как он собирается подсесть ближе, чем дозволялось между нами. Он чувствовал мое напряжение и никогда не позволял себе ничего лишнего: ни жеста, ни слова.

У моего обожателя было три «не». Он не был женат, он не был хорош собой и никогда не навязывал свое общение. При этом Вениамин Петрович прекрасно играл в теннис и неукоснительно соблюдал закон неприкосновенности, чтобы сохранить дружеские отношения.

Как бы ни хороша была дружба, она не заменит верного и любящего человека рядом. И поэтому наше общение продолжалось до тех пор, пока он не вышел на пенсию. Затем его след потерялся…»

Американец

Мы познакомились с ним через мою руководительницу диссертации Веру Григорьевну. Она как раз просила прийти, чтобы написать научную статью для журнала. Поскольку мы работали в одной рабочей группе, то пользовались данными друг друга для статей, ссылаясь на проведенные исследования.

Повторю, что в то время люди не пользовались электронной почтой в таком масштабе, как сейчас. Это явление еще только начинало входить в повседневную жизнь. Доступ к интернету имел ограниченный ресурс. Сейчас Катя бы отослала по почте нужную информацию и все. А тогда требовалось прийти самолично, принести дискету, сесть за компьютер.

Когда я пришла, у Веры Григорьевны сидел молодой человек. Нас представили друг другу, его звали Эндрю. Он был родом из Америки, из какого-то крупного города, приехал в Россию изучать русский язык и с религиозной миссией. Говорили мы исключительно на английском.

— В чем заключается миссия вашей церкви? — спросила я.

— Нам хотелось бы пропагандировать веру в Бога и не только у себя, а также и в России и повсюду в мире. Мы уже объехали разные страны.

«Такой молодой, и уже так много путешествует. У меня такой возможности нет. Наверное, там, в Америке, это легко осуществляется. Захотел — путешествуй, и деньги находятся. Откуда, интересно, берет средства на переезды и проживание?» — пронеслось в моей голове, но спрашивать вслух постеснялась. А то вдруг получится как с сенатором, когда сказала не те слова.

На протяжении всего нашего знакомства мы с ним не говорили о церкви или религии вообще. Видимо, не приходилось к слову. Не важно, кем ты себя называешь, важно, как ты себя действительно подаешь.

Вера Григорьевна представила мне Эндрю как думающего и стремящегося к знаниям человека. Она не ошиблась. Эндрю вел себя как воистину устремленный к духовному развитию человек.

На вид он был полный, носил очки, и из-за того и другого казался неуклюжим. Но что-то в нем располагало к общению. Возможно, доброта, сквозившая сквозь его облик, возможно, его желание знакомиться и общаться с русскими барышнями. Но, так или иначе, мы начали общаться вне рабочей обстановки. Немного гуляли и разговаривали, и однажды произошел забавный эпизод.

У нас на работе производили замену старой мебели на новую. Новая мебель также была не новой, а сборной из разных кабинетов, которые в свою очередь обновлялись до нуля. В них обстановка менялась целиком и полностью, чтобы освободить место для нового компьютерного оборудования. Старую мебель распределяли по другим кабинетам, где стояли уж совсем устаревшие стулья и столы. К таким кабинетам относился и мой класс. В результате такой замены мой кабинет мог избавиться от большого письменного стола, пары стульев и шкафа.

В моей съемной квартире мебелишка была старее старого, изношенной и полуразвалившейся. И мне крайне необходимо было перевезти списанную мебель к себе домой! Кроме того, благодаря хорошим отношениям с хозчастью, мне разрешили еще осмотреть подвал, куда сносилось все списанное, и выбрать, что понравится. Там я присмотрела шкафчик.

Чтобы все перевезти, требовалась мужская сила. Не студентов же просить. Мужчин знакомых, кто бы мог помочь, у меня не водилось, только вот тот самый американец. Реально, смешнее не придумаешь!

Немного боялась, что возьмет и возомнит о себе, что он — единственный, к кому могла обратиться. Хотя по факту так и было. Поскольку как мужчина он меня нисколечко не инте-

ресовал — не люблю толстых и в очках, — и даже если каким-то образом умалюсь в его глазах, то и ладно, пусть, ну уж лучше спросить, чем терять возможность сделать перестановку в квартире.

Эндрю никак нельзя было ударить в грязь лицом, и он согласился. Я уж не помню, откуда взяла машину, вероятно, завхоз предоставил рабочую. Американец пришел ко мне на работу, зашел в облупленный корпус, поднялся на третий этаж, зашел в обшарпанный кабинет, стаскал мебелишку — которую, по правде говоря, можно было только выбросить, — вниз, погрузил в машину, потом перетаскал ее на третий этаж в мою квартиру. Он это проделал один. Только лишь на погрузке и выгрузке из самой машины ему помогал шофер.

По-моему, американец совершил личностный подвиг. Я видела, как стекает пот по его лицу, как краснеет его шея от напряжения. Закончив погрузку-разгрузку, он оставался смиренным и вежливым, как и до этого.

— Спасибо большое! — сказала я искренне.

— Да-да, чем мог, тем помог, — продолжая отдуваться от тяжелой работы, ответил Эндрю.

После переезда мне было немного не по себе и даже стыдно. Во-первых, стыдно от того, что все у меня зашарпанное и старое. Во-вторых, что живу бедно, и приходится привозить мебель с рабочего места. В-третьих, чувствовала себя виноватой перед ним за то, что заставила его одного таскать тяжелый стол и шкафчик. Хотя, что толку? Дело сделано, локти кусать поздно.

Мы общались до тех пор, пока он не уехал назад в Америку, в свою Атланту. Потом началась переписка по электронной почте. Он всегда подписывал свои письма умилительной и в то же время дежурной фразой «Береги себя».

Как-то Эндрю написал: «Ко мне домой забрались воры, унесли компьютер. Я пишу сейчас с другого компьютера и прошу, не принимай за истину сообщения, если будет что-либо некорректное написано от моего имени. Прошу прощения за это заранее».

На этом наша переписка завершилась. Позднее при смене своего собственного компьютера я потеряла его адрес. И как часто бывает в нашей жизни, если мы прекращаем что-либо делать, то это уходит из нашей жизни навсегда.

Катя встала, прошлась взад-вперед по квартире, выглянула в окно. Там по небу проплывали серые тучи, а ветви ивы раскачивались на ветру. Катя поежилась и снова вернулась в кресло. История с американцем уже не казалась такой стыдливой, как раньше; если человек нормальный, то он все поймет правильно. А вот история, связанная с заочником, все еще вызывала возмущение. Катя даже передернула плечами, как бы сбрасывая с себя остатки эмоций.

Заочник

Я работала с утра до вечера. После трех-четырех дневных пар оставалась на «вечерников» и вела пары с шести до девяти часов вечера.

Заочники были разными по возрасту студентами. В те годы только входило в моду получать вечерне-заочное образование работниками деревообрабатывающей и нефтяной промышленности. Там люди работали вообще без образования. И таких заочников набирались целые группы. Старалась, чтобы им было интересно, понятно. Требовала выполнения различных грамматических заданий, с которыми с моей помощью они, так или иначе, справлялись.

А вот с чтением на языке дела обстояли потуже. Читали, как могли, большего я и не требовала. Это ж отдельные курсы проводить пришлось бы. Взрослые дяди (по отношению ко мне), которым было более тридцати лет, а кому-то и под сорок, корпели над английским, старательно и безропотно записывая все спряжения и формулы английских времен. Их можно было бы ласково и уважительно назвать «старателями». Сейчас таких старательных и прилежных учеников уже и не встретишь. Люди изменились. Если что не по ним, уже возмущаются, требуя поблажек или снисхождения и вообще, чтоб не было никаких заданий.

И вот как-то раз, во время очередного урока ко мне подошел один товарищ студент. Сам черноволосый, с густыми и черными усами, одет прилично, опрятно. Он шел между рядами парт как-то необычно, словно кот, крадущийся попробовать сметанку, совсем не для него налитую в кружку. Я насторожилась.

— Екатерина Геннадьевна, — начал Николай издалека. — Вы ведь одна живете, насколько мне известно?

То ли вопрос, то ли утверждение. Меня это покоробило. Какое кому дело, одна я или нет.

— И что? — я постаралась быть краткой и сдержанной. Понятно, что молодых и одиноких сразу видно.

— Вам помощь, наверное, нужна?

— Что вы имеете в виду? — я немного расслабилась.

— Ну, там, картошечку, овощи разные огородные, могу помочь, привезти. Я в деревне живу, в Березовке, — плел паутину Николай.

— Да мне особо не нужны продукты, — начала отказываться я.

— Вы посмотрите, какая вы тоненькая. Вам супы и каши нужны, — выразил свое мнение мужчина-студент.

Я усмехнулась, приняв это за комплимент.

— А что с меня за это? — поинтересовалась я.

— А мы с вами как мужчина и женщина будем общаться, — вкрутил самую главную фразу Николай.

— Вы женаты? — спросила я, также не церемонясь. Женская интуиция четко сработала.

— Да, — не стал скрывать и юлить мужчина. — Но у нас впереди четыре года, я приезжаю на сессию два раза в год. Можем с вами дружить это время.

— Да вы что?! Какие сессии? Для таких отношений любовь хоть какая-то нужна! — возмутилась я.

— Вы мне очень нравитесь. Вы симпатичная, я — тоже не урод, — сделал Николай ход конем.

— Я же Вас не люблю, — откровенно сказала я, шагнув ферзем.

— Потихоньку притремся. Вам понравится со мной, и Вы меня полюбите, главное, начать нужно, — совсем потеряв всякую совесть, проговорил Николай.

— Вы знаете, несмотря на все ваши достоинства, я откажусь от предложения. Вы уж извините, — сказала я, устав вести такой скользкий и мучительный для меня разговор.

— А почему, позвольте узнать? — осмелился он спросить.

— Мне нужен постоянный мужчина, человек, которого я буду любить, а он — меня, — пришлось проводить ликбез для взрослого человека. — Все, до свидания.

— До свидания. Мы еще увидимся, — сказал Николай и вышел из кабинета.

Я задыхалась от внутреннего негодования. Как? Меня в любовницы? Этот усатый, женатый, да и еще, извините, староватый. Сладенького захотел! Молоденькую захотел! Как язык повернулся такое говорить?! Если молодая и незамужняя, значит, можно так?! Я жду своего мужчину! И как он мог вообще подумать, что я соглашусь на женатого?! Было обидно до слез. Моему возмущению не было предела. После этого разговора осталось чувство, словно коснулась чего-то нечистого.

Через день у нас было последнее занятие в этой установочной сессии, и студенты-заочники уезжали домой. Оно, как обычно бывает у заочников-вечерников, длилось три часа. Во время урока ощущала неловкость и не могла смотреть прямо в сторону Николая. Он и сам сел не по центру, как это делал ранее, а сбоку, чтобы не мозолить мне глаза. И на том спасибо.

Через полгода группа приехала на новую сессию. После первого же занятия Николай подрулил ко мне с букетом каких-то дешевых цветов, бутылкой шампанского и конфетами.

— Екатерина Геннадьевна, рад Вас видеть. Вы такая же красивая, даже еще лучше. Похорошели. Как вы смотрите на мое предложение? — бессвязные, но понятные фразы совершенно не вписывались в мой рабочий настрой.

— Давайте забудем наш с вами разговор. Я вам уже сказала, что нет, — стояла я на своем. — Пожалуйста, а то мне очень некомфортно от этого.

У меня тоже пошли бессвязные фразы.

Николаю было неприятно и даже в некотором роде болезненно слышать отказ, но что ему оставалось делать? Он оставил свои подношения у меня на столе и ретировался. Кстати, шампанское он забрал. Забирая винный напиток, сказал:

— Я планировал его вместе выпить, ну, а раз не получается, Вы же не станете пить одна.

— Да, да, конечно, можете и конфеты тоже… — попыталась я сгладить ситуацию. — Да нет, это я Вам покупал. Женщины любят конфеты, — невесело и мягко отвечал Николай.

Мне его даже на секунду жалко стало. Хотя, если говорит про женщин во множественном числе, то, кто его знает, может быть, он постоянно подруг заводит на стороне.

На этом мои отношения с женатым мужчиной закончились, не начавшись. Меня еще долго будоражило воспоминание об этой сцене, особенно та часть, где звучала мысль «я буду приезжать на время, и вам со мной понравится». Николай желал во время своих учебных сессий жить красиво — девушку под боком иметь. А когда учеба была бы закончена, то меня нафиг послать. Как хорошо хотел устроиться человек и еще рассматривал это как благотворительность для меня, мол, и девушке одинокой приятно будет. Да какое благое дело! А про чувства он забыл. Видимо, мои чувства не существуют, их можно и подмять, и приспособить под себя.

Влюбленные

История моей любви с бывшим учеником начиналась красиво. Улетно. Ух, даже мурашки по коже от воспоминаний.

С какого-то момента я стала замечать, что на улице после уроков меня поджидает студент с технологического отделения. Мы здоровались. Он немного краснел. Я шла домой. Искоса слегка оглянувшись, замечала, как он шагает поодаль от меня. Внутри себя улыбалась, но открыто не оглядывалась, чтобы не смущать человека.

Это мне напомнило эпизод из детства. Когда я училась в школе в начальных классах, то два мальчика постоянно меня провожали до дома. Идут следом за мной и все. Оглянусь, а они зашушукаются и встанут как вкопанные. Странно. А по субботам доведут меня до дома, потом встанут на углу, около фонарного столба и стоят. Он как раз напротив наших окон торчал.

А мы жили на первом этаже, и мальчиков видно было как на ладони. Они могли стоять часами. Стоят-стоят и не уходят. Ох, как меня это раздражало, кто бы знал! Мама меня выпуривала из дома, мол, иди, погуляй, ребята тебя ждут. А я фыркала и не хотела идти. Иногда маме удавалось нажать на меня, и против своей воли приходилось покидать свою теплую комнату. При этом я делала вид, что не гулять шла, а будто к папе в гараж, где он по правде находился. И как только выходила из дома, ребята оживали и топали за мной, держась на расстоянии. Совершенно неясно, почему нельзя было подойти и спросить что-нибудь, а не «следить» за мной. Это и раздражало.

Возвращаюсь к моему ухажеру из студентов.

Он учился на четвертом курсе. На моих уроках проявлял старательность, что ни спроси, тянул руку для ответа. Домашнее задание всегда оказывалось выполненным. Не студент, а образец для всеобщего подражания.

Паренек был невысокого роста, подтянут. Голос у него казался немного высоковатым для молодого человека, но соотносился с его ростом и телосложением. Лишнего себе не позволял. Ни фамильярности, ни панибратства. Звали молодого человека Женя Птичкин. Фамилия, конечно, дурацкая, девичья какая-то, но безобидная.

Провожание меня домой с работы продолжалось с месяц, наверное. Ходит и ходит. Странная манера ухаживать. Ни слова, ни полслова. Не стану же запрещать за мной ходить, — вреда в этом нет, но и видеть за собой постоянный хвост тоже надоело. Захотелось разрядить обстановку, и я стала придумывать как.

Следует пояснить, что в то время не хватало свежей и современной литературы для чтения на английском языке. Интернет, напомню, еще только входил в обиход. Вся оргтехника — тоже. Принтер являлся редким и дорогим оборудованием, копировать тексты, как можно сейчас на каждом углу, — не получалось.

Помню, для своих уроков на старших курсах я составляла тексты на английском про ученых. Тексты встретила в одной научной книге, они мне понравились своей новизной и оригинальной точкой зрения. В них содержалась информация о малоизвестных открытиях и их значимости для мира.

В то время у меня еще компьютера не водилось, а гугла и яндекса тем более. Переводить приходилось вручную, а печатать — просить кого-либо. Компьютеры в колледже хоть и появились, работать было удобнее, разумеется, дома. И мне весьма пригодился бы помощник для перевода, что и повлияло на мое решение.

— Женя! — позвала я студента, который уже ожидал меня около корпуса, чтобы в очередной раз сопроводить до дома.

— Да, Екатерина Геннадьевна! — живо откликнулся студент, приблизившись ко мне.

— Женя, у меня к тебе дело есть. Мне нужна помощь. Готов помочь? — озадачила я его.

— Что хотите? Если в моих силах, то, конечно, помогу.

Женя весь трепетал.

— Мне нужно тексты перевести с русского на английский для уроков, — выпалила я на одном дыхании.

— О! Да я с радостью. А о чем тексты?

— Об ученых и открытиях.

— Отлично! Давайте помогу.

— Женя, я перевожу дома. У меня там словари большие. На работу их не понесу, они тяжелые и нужны для работы, — пояснила я.

Работа над диссертацией еще продолжалась, и словари требовались для анализа произношения, а также заполнения разных таблиц. Они и куплены были именно для научной работы.

— Ну давайте, Екатерина Геннадьевна, (пауза) а мне к Вам домой тогда идти? — нерешительно спросил Женя.

— Да, придется домой. Но если ты не хочешь, то, конечно, не надо, — нейтрализовала я свою просьбу.

— Что Вы, я — хоть сейчас, — поспешил добавить студент.

— Что ж, пойдем сейчас, — предложила я.

И на сей раз мы пошли рядом. По дороге весело разговаривали, Женя старался меня рассмешить. И мне и без его стараний хотелось расхохотаться.

Дома мы попили чай и сели за работу. Я записывала предложения на английском, а Женя искал в русско-английском словаре слова, имеющие техническое или специфическое значение, неизвестное мне. Поработав примерно с час, пришло время передохнуть.

— На сегодня достаточно. Спасибо за помощь.

— Рад, что смог помочь.

— Если хотите, можете еще прийти.

— Екатерина Геннадьевна, когда скажите, приду, — с готовностью откликнулся Женя.

Он ушел, переполненный трепетных чувств и эмоций. По его виду это легко читалось.

…

Мы одолевали текст за текстом. Наша работа протекала строго в рамках формальных отношений. Вскоре тексты закончились. Да и год учебный заканчивался. Я поблагодарила студента за помощь.

Наступило лето. Для меня — отпуск, для него — горячая пора поиска работы. Женя закончил обучение в колледже, и ему предстояло устраиваться в жизни, в том числе находить рабочее место.

На все лето, как обычно уехала к родителям, где проводила время на огороде и на реке, и про своего студента не вспоминала.

С тех пор прошло полгода. И однажды в декабре после уроков, когда я уже собиралась домой, ко мне в кабинет просунулась голова. А следом и все остальное. Женя! Да не один, а со своим бывшим одногруппником Максимом.

Помнится мне, как Максим сидел на уроках. Никогда не вылезал на первый план, но всегда был готов. Краснощекий и добродушный, в противовес Жене, он имел плотное сложение и был выше ростом.

— Здравствуйте! — немного смущаясь, сказали мальчики.

— Здравствуйте! Каким ветром? — удивилась я.

— Проведать Вас пришли, — услышала я. — Принесли кое-что.

С этими словами Женя достал из сумки несколько вещей.

— Это кружка, — и протягивает мне кружку с изображением Гарри Поттера. — Я знаю, Вы любите Гарри Поттера.

Затем разворачивает сложенный вчетверо цветной лист бумаги. На большом листе была изображена «Энигма».

— Это постер с Вашей любимой группой.

— И вот еще, — Женя протянул мне книгу Валерия Синельникова «Возлюби болезнь свою».

— Женя… ребята, — я переводила глаза с одного на другого и не находила слов, чтобы выразить свою радость, благодарность. Они меня растрогали до слез.

— Спасибо! Вы так все помните, что я люблю!

— Конечно, Екатерина Геннадьевна! — горячо отвечал Женя.

Максим кивал головой. Он, может быть, и говорил что-то, но я не помню. Я видела перед собой только Женю, его пылающее лицо, вдохновение, с каким он презентовал свои подарки. Ведь было очевидно-понятно, что он давно готовился к встрече, думал о ней, а Максима взял с собой, чтобы скрашивать неловкие моменты.

— Ребята, вы чай будете пить? — наконец нашлась я.

— Будем.

Мы вместе быстро накрыли на стол. Я принесла чашки из учительской, сладости к чаю. Сели. Разговор немного не клеился. И я, как педагог, включила режим вопросов на тему их настоящего положения, чем заняты, как работа и пр. и т. д.

Женя устроился на моторостроительный завод мастером изготавливать какие-то детали на станке с программным управлением, а Максим работал в цехе по ремонту вагонов в вагоноремонтном депо. Занесло же его, однако!

К концу вечера мы обменялись номерами телефонов.

Провожать ребята меня не стали. Максим жил далеко, а завтра на смену нужно было выходить, а Женя постеснялся один пойти меня провожать.

Он позвонил на следующий день. Предложил погулять, если у меня возникнет желание. У меня возникло. Он уже был не студентом, и гулять с самостоятельным человеком не возбранялось.

Дальше пошло все как по маслу. Одна из прогулок в один прекрасный день закончилась у меня в квартире. Почему у меня? Я жила одна, а Женя — с мамой.

У нас с Женей выстраивались очень романтичные и нежные отношения. Мы по-настоящему полюбили друг друга. Звонили, если не могли встретиться, а при встрече дарили друг другу романтические вещички. Наши встречи становились все чаще. И каждый раз я видела перед собой обходительного, заботливого человека, ну иногда шкодливого.

Все шло к тому, что вот-вот Женя сделает мне предложение. И тут однажды проявилась его «теневая» сторона. Понимаете, мне специально показали (спросите: «Кто показал?», отвечу: «Ангелы, конечно»), чтобы предостеречь от опрометчивого шага. Может быть, другой бы не заметил, а для меня же это прозвучало как СТОП-сигнал.

Женя просил прощения, извинялся, клялся, что это случайно, что он вообще другое имел в виду. Я была непоколебима. Он умолял, говорил, что хотел купить кольца и сделать предложение. Я была как стена. Он просил дать ему еще один шанс. Я оставалась на своем. Я закрылась. То, что мне довелось увидеть в нем, разрушило все в одно мгновение. Что же произошло?

На каком-то этапе отношений Женя стал чаще говорить, что ему некогда встречаться, и он занят. И почему-то не говорил, чем именно. Говорил, это секрет. Этим он сильно разжег мое любопытство. Конечно же, хотелось знать, что увлекло его так сильно, что даже наши встречи отошли на задний план.

И вот, наконец, я смогла упросить его рассказать свой секрет. Он жил с мамой в однокомнатной квартире. Отца он не знал. Мама с папой разошлись, как только ему исполнился год. И недавно они с мамой приобрели квартиру, пусть и в старом доме, зато двухкомнатную. Она требовала ремонта, чем Женя и занимался. Какой простой секрет!

Мы с Женей побывали там. Квартира располагалась на первом этаже Сталинского дома. Так в народе называли двух-трех-этажные кирпичные дома, построенные в эпоху сталинизма. Они отличались тем, что снаружи были покрыты толстым слоем штукатурки, а внутри комнаты имели высокие потолки. Что могли, то и купили.

Квартира показалась мне настолько темной и мрачной, что никакие старания не способны сделать ее уютной и светлой. Впрочем, суть не в этом. А в мелочи.

Как и всегда, одна малюсенькая мелочь, один малюсенький камушек, брошенный с обрыва, может вызвать обвал. Так и тут.

Я подошла к стене, из которой торчали гвозди, взялась за один из них, покачала его, как женщина, которая осматривает жилье, подлежащее скорейшему ремонту. И в тот момент, когда раскачивала гвоздь, из благообразного мальчика, каким я знала Женю весь год нашего общения, он превратился в рычащего бульдога:

— Не трогай! Ничего здесь не трогай!

Он так кричал, будто разбили ценнейший экспонат начала XVI века.

У меня сразу в голове промелькнуло, а что будет дальше? Если из-за мелочи уже сейчас звучит такой рык, то, став женой, мне придется по струнке ходить? Спасибо, не хочу, не надо.

Так мы расстались. На прощание устроили вечер при свечах. Осенний ветер гудел за окном, прибивая к стеклу оставшиеся листья на деревьях, а мы чинно сидели, кушали вкусный десерт из магазина и в последний раз смотрели друг на друга.

— Я же хотел купить обручальное кольцо, подарить его тебе!

Женя рыдал. Но его рыдания не заставили меня отказаться от своего решения.

Наши трогательные отношения закончились.

«Любовь» монаха

Захотелось за себя помолиться и свечу поставить за встречу со своей половинкой. Должна же она когда-нибудь произойти!

Узнала, где и когда в нашем регионе проходит крестный ход. Стала настраиваться на него и время от времени вспоминала о своей затее.

Наступил июль. Крестный ход длился пять дней, начинаясь с соборной площади в городе и заканчиваясь в Б-ском монастыре.

Не буду описывать сам крестный ход, а остановлюсь на одном маленьком происшествии. Это произошло, когда вместе с паломниками я пришла в конечный пункт крестного хода.

Когда мы попали в монастырский двор, нам показали помещения, где разрешалось разместиться паломникам. Это был отдельно стоящий двухэтажный корпус. В одной из комнат на первом этаже, просторной и довольно прохладной для середины лета, нам предстояло провести ночь.

Один монах бегал по коридору корпуса, забегая то в одну дверь, то в другую. Его нельзя было не заметить. Первый раз он повстречался у рукомойников, когда я с другими паломниками мыла руки, чтобы пройти в зал для трапезы. Он сверкнул на меня белками глаз и скрылся из вида.

После трапезы, когда мы возвращались в помещение, чтобы отдохнуть после дороги и немного полежать на спальнике, раскатанном на полу, тот монах быстрым шагом шел навстречу по длинному коридору.

Он был невысок, не стар, но быстр в движениях. Меня интересовал быт и внутреннее устройство монастыря, потому я приостановилась и спросила:

— Здравствуйте, а можно у вас узнать?

Монах, пройдя по инерции уже пару шагов вперед, оглянулся.

— Я вижу тут… Наверное, какие-то обязанности исполняете. Интересно узнать, чем вы занимаетесь здесь?

— Служу в библиотеке, — ответил он после некоторой паузы, вероятно, не ожидал такого вопроса.

— Как интересно! Значит, вы много читаете?

— Читаю немного, — последовал ответ.

— А что, например? — не унималась я.

— Псалмы, — прозвучал еще более краткий ответ.

— А-а, — глубокомысленно протянула я. И подумала: «Как, наверное, скучно», не решаясь произнести этого вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.